

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Л. Омельченко

КРАСНЫЕ И ЧЕРНЫЕ: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СТРУКТУР РАЗЛИЧИЯ И ИСКЛЮЧЕНИЯ В МУЖСКИХ КОЛОНИЯХ

В статье рассматривается производство статуса и иерархий в контексте формальной и неформальной власти в российских колониях на материале 20 биографических интервью с мужчинами, имеющими опыт заключения, и 5 экспертных интервью с сотрудниками персонала колоний. В работе проанализированы способы встраивания заключенных в структуры различий и исключения, а также адаптации в разных типах колоний. Фокус на гендере позволяет выявить нормативные рамки конструирования доминирующих и подчиненных маскулинностей под двойным давлением формальной (режимной) и неформальной (воровской) власти в ситуации изоляции и контроля.*

Ключевые слова: *российская колония, тюремные иерархии, маскулинность заключенных.*

Введение

Знакомство с историями заключения мужчин и женщин, полученными в трех исследовательских проектах, помогает рассмотреть стратегии включения и адаптации с разных сторон. В первом проекте фокусом анализа были женские истории возвращения в свободную жизнь, тюремная повседневность раскрывалась через призму индивидуальных путей адаптации женщины «с такой биографией»** (Омельченко 2012). Информантками второго проекта были родственницы заключенных, включенные в сети поддержки мужчин, отбывающих сроки в российских колониях. Оставаясь свободными, они вовлекались

* Статья написана в рамках научного проекта 15-01-0154 «Различия, исключения и адаптация в российской колонии», выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015- 2016 гг.

** «Возвращение»: постпенитенциарный опыт молодых женщин, бывших в заключении (Индивидуальный проект, поддержан Научным фондом НИУ ВШЭ 2010 — 12).

Омельченко Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, департамент социологии, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики, Санкт-Петербург (eomelchenko@hse.ru)

Omelchenko Elena — Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology, National research university Higher school of economics, St. Petersburg (eomelchenko@hse.ru)

в «околотюремную» повседневность, невольно становясь квазивиновными* (Омельченко, Пэллот 2015). Внимание проекта, материалы которого легли в основу этой статьи, обращено к мужчинам, недавно освободившимся из колоний. Несмотря на разные фокусы указанных проектов, всех информантов вынужденно объединяет одно — внутри- или околотюремная реальность, переопределившая их биографии.

Структуры различия и исключения в мужской и женской колониях (воспроизводятся в многомерном контексте функционирования тотального института. При всей эксклюзивности тюремной системы, она является концентрированным проявлением господствующих режимов в целом, где иерархии как структуры, закрепленные формальными правилами и неформальными ритуалами тюремной жизни, напрямую повторяют в крайне жесткой форме культурные нормы социальных различий «свободного» общества. Эти нормы преломляются через внутреннюю систему приписанных статусов и производятся в индивидуальных версиях адаптации в соответствии с уникальными профилями опытов, личностных качеств и биографий сидельцев.

Система внутритюремных различий формируется в многомерном пространстве ветвей власти: регламент содержания заключенных в соответствии с нормативными правовыми актами ФСИНа, режим конкретного учреждения (красная или черная зона), неформальные кодексы поведения осужденных с их ритуалами, запретами, наказаниями за нарушения. Адаптация к этой системе предполагает завоевание, принятие и доказательство своего статуса и «ранга» как перед лицом персонала, так и перед другими осужденными.

Формирование и закрепление иерархий — протяженный процесс, статусы не постоянны и могут меняться под воздействием политических процессов в стране, в зависимости от соотношения сил и понимания задач и цели наказания в системе ФСИН и в конкретном учреждении. Анализ гендерного измерения тюремных иерархий позволяет по-новому подойти к этой сложной и сензитивной теме.

Теоретическая рамка и методология

Область пенитенциарных исследований и социальных различий в условиях заключения — новая тема для российского контекста. Есть попытки проведения анкетирования в колониях, ориентированных на выработку эффективных программ посттюремной адаптации и предотвращения рецидивного поведения. Практически отсутствуют работы, реализуемые в парадигме интерпретативной социологии, направленные на анализ человеческих эмоций, переживаний, совладания с ситуацией длительной изоляции в экстремальных условиях. Подобный анализ важен как для аналитического обоснования программ по продвижению установок гуманизации пенитенциарной системы, так и для понимания фундаментальных социальных оснований адаптации к опыту лишения свободы в репрессивных системах, последствий пребывания человека в условиях систематического унижения и подчинения.

* «Около тюрьмы»: идентичность и повседневность родственниц заключенных (Индивидуальный проект, поддержан Научным фондом НИУ ВШЭ 2013–14), 12-01-0153.

В социологии тюрьма концептуализируется как социальная система со своими культурными нормами и ожиданиями, которые корреспондируются с обществами, в которых они создаются и откуда люди попадают в колонию (Sykes 1958; Wacquant 2001). Тюрьма, будучи изолированным пространством, остается под влиянием социальных процессов и тенденций общества в широком смысле и локальных сообществ, в частности: в тюрьму чаще попадают те, кто уже имеет опыт социального или экономического исключения (Осужденные... 2012: 241).

Тема различий в колонии раскрывается в нескольких плоскостях. Прежде всего, это фукианская традиция изучения открытых и латентных структур власти, механизмов их закрепления и воспроизводства в контексте тотальных институтов (Фуко 1999). Тюремные различия могут исследоваться через анализ индивидуальных и коллективных тюремных идентичностей, процессы социализации в тюремной среде, рассмотрение таких социальных факторов, как: раса, этничность, маскулинность / фемининность, сексуальность, религия / вероисповедание, возраст, класс, гражданство, региональная принадлежность. Начиная с классика тюремных исследований Сайкса, тюрьма концептуализируется как пространство производства мощных солидарностей заключенных, противостоящих надзирателям. Заключенные с первого дня пребывания в стенах тотального института испытывают болезненное чувство унижения, состояние тюремной боли (pains of imprisonment) (Sykes 1958) объясняется автором через ограничения доступа к продуктам и сервисам, недоступности гетеросексуальных отношений, автономии и безопасности. Дегуманизирующие обстоятельства заключения и изоляции изменяют способы реализации социальных ролей и идентичностей, новые обстоятельства жизни оказывают серьезное влияние на самовосприятие. Сайкс и Мессинджер (Sykes, Messinger 1960) полагают, что социальные отношения в условиях тюремного заключения регулируются «кодексом заключенных», включающим: лояльность по отношению к другим заключенным; избегание конфликтов; сохранение автономности; недоверие к обсуживающему персоналу. Согласно другой концепции — «модели импортирования», внешние статусы и социальные иерархии оказывают непосредственное влияние на тюремные культуры. Так, например, расовые или этнические противоречия могут определять повседневность американских колоний — как отношения между заключенными, так и восприятие заключенных персоналом. Современные колонии и тюрьмы далеки от модели солидаризирующихся заключенных, а расовые и этнические различия могут крайне болезненно переживаться и порождать сегрегацию и враждебность. В мужских колониях господствуют уличные коды гипермаскулинизированных идеалов уважения, твердости, отличающиеся от внетюремной повседневности более жесткими и категоричными проявлениями (Wacquant 2001). Атмосфера колонии, где доминируют недоверие, страх, высок уровень вербального и физического насилия, отсутствует частное пространство для уединения, не способствует производству гармоничных социальных отношений. Люди в колонии и тюрьме живут скученно, вероятность встречи, знакомства и интенсивного общения с людьми из других страт велика, и не всегда эти столкновения конфликтны (Philips 2007), раса и этнические различия, напротив, могут использо-

ваться самими заключенными как ресурс для выстраивания отношений с сокамерниками или противостояния персоналу.

Исследования значимости гендерных образцов маскулинности и фемининности в производстве различий только начали развиваться в последнее десятилетие. В определенной степени к мужской колонии можно применить теорию мужского братства как закрытого, гомосоциального сообщества. Границы изолированных, вынужденно закрытых мужских территорий поддерживаются и регулируются групповой идеологией, гендерными и телесными режимами, разделяемыми смыслами коммуникаций и практик. Особенно это характерно, по мнению И.С. Кона, для молодых мужчин, тяга которых к закрытым коммуникациям связана с особенностью восприятия гендера. Для мальчиков гендер — это коллективная общность, что проясняет и более жесткое отношение к гомосексуальности, которая воспринимается как посягательство на весь мужской класс (Кон 2000). В рамках биолого-эволюционной перспективы (Tiger 1969) мужская солидарность рассматривается в качестве вынужденной реакции на опасность. Это помогает преодолеть напряжение, вызванное мужской конкуренцией за лидерство, поддерживать дисциплину и беспрекословное подчинения вождю / лидеру, а «инстинктивная симпатия» (дружеская и сексуально-эротическая) становится одной из ключевых предпосылок общественной жизни, источником патриотизма и воинских доблестей (Pilkington, Omelchenko, Garifzianova 2010; Омельченко 2014). По мнению М. Киммела, «маскулинность неотделима от гомосоциальности» (Kimmel 1996: 7). Несмотря на важность утверждения мужчины через отношения с женщинами, именно гомосоциальность остается неким абсолютным пространством «настоящего» мужского братства, порождая одновременно гомоэротизм и гомофобию. Языковая и телесная коммуникация служат поддержанию группы как целого и формируют чувство коллективизма в пределах норм и смыслов, разделяемых гомосоциальным сообществом, которое поддерживается как стремлением к интимности (доверию), так и страхом перед ним (гомофобия). Эта атмосфера помогает создать пространство легитимной интимности и солидарности, и в то же время — поддержать друг друга в строительстве стены защиты по отношению ко всему, что может выглядеть женским: слабость, мягкость, гомосексуальность. В этом кроется потенциальная опасность кризиса доверия внутри жестких и агрессивных мужских сообществ.

Социальные различия и исключение в условиях заключения не являются актуальной темой для российских исследований, изучение личностных особенностей заключенных проводятся, как правило, с помощью опросных методик с фокусом на успешность ресоциализации в колонии (Дубягина 2008). Тема мужской тюремной и криминальной субкультуры наиболее насыщена материалом и анализом в российской науке (Олейник 2001; Лысак, Черкасова 2006). Исследования показывают, что тюремные иерархии закрепляются через ритуалы, языковые практики и культурную память (Ефимова). Интересны попытки классификаций тюремно-лагерной иерархии (Узлов, Арасланов 2012). Так, например, в типологии Ю.К. Александрова выделяются «блатные» (черные), «мужики» (серые), «козлы» (красные) и «опущенные» или «обиженные» (голубые) (Александров 2001.) Специфика российского контекста структурирования

отношений внутри колоний заключается в особенностях условий заключения, во многом ориентированных на воспроизводство гугаговского принципа унижения человеческого достоинства (Pallot 2005). Другой момент связан с переопределением режима содержания осужденных в рамках реформирования системы ФСИН, что трансформирует отношения между заключенными или между заключенными и охранниками.

Информантами в данном проекте были бывшие заключенные, с которыми проводились глубинные интервью с элементами биографического (20 интервью с бывшими заключенными и 5 экспертных интервью с сотрудниками охраны колоний)*. Рекрутинг информантов проводился как через уже имеющиеся сети, так и методом «снежного кома». Темы бесед отличались чувствительностью и затрагивали сложные вопросы идентичности, что требовало особого внимания к нарративным оформлением столь сложного, часто экзотизируемого опыта в контексте биографического рассказа. В основе методологии исследования, как и предыдущих проектов, были принципы интерпретативной социологии. Бывшие осужденные — это труднодоступная, стигматизируемая и маргинализируемая категория общества, что придает полученному материалу особую актуальность. Для информантов это была редкая возможность выговориться, почувствовать заинтересованность в своем жизненном опыте, беседа становилась своего рода легитимацией и самооправданием, что усложняло последующую работу и требовало чувствительности и учета в анализе полученных нарративов.

Заявить себя и включиться в иерархии

Анализ полученных нарративов мужчин с тюремным опытом говорит о ключевой роли гендерного позиционирования для выстраивания внутритюремных иерархий и получения / завоевания определенного статуса. Гендер аккумулирует в себе весь ансамбль ключевых характеристик, в соответствии с которым выстраивается отношение как к «новичку», так к заключенному с продолжительной тюремной биографией. В закрытых гомосоциальных системах (армия, монастыри), в мужских колониях, особенно для малолетних преступников, иерархии напрямую регулируются вертикалями власти (режимной и неформальной), поддерживающими друг друга. Включение в систему начинается для осужденного с момента попадания в изолятор после вынесения приговора.

Уже на этом этапе, в информации о фактах биографии, которую собирают о новичке, особое внимание обращается на гендерную историю, которая следует за заключенным на всем протяжении срока, обрастая деталями и подробностями. Формируется своего рода личное дело, вносить изменения в которое сам человек практически не может. Со стороны администрации колонии всех осужденных пропускают через процедуру принуждения к «подписыванию на сотрудничество». Отказ от сотрудничества влечет за собой санкции, характер которых, по мнению сотрудника службы охраны, зависит от администрации конкретного учреждения: *«Если они не подписывают на сотрудничество — могут посадить в изолятор, нарушения повесят. А могут ничего не делать, зависит от*

* Интервью проводили Омельченко Е., Гарифзянова А., Сабирова Г., Гончарова Н., Леванов А.

администрации колонии, от оперативников. ... Если человек подписывает сотрудничество, то сидит уже на крючке ... им проще управлять, в случае чего могут и блатному расписку показать» (м., сотрудник колонии, 46 лет).

В красных колониях заставляют также дать согласие на применение спецсредств в случае бунта или забастовок: *«Спецсредства чтобы в отношении тебя, допустим, администрация использовала... Дубинки, газовые баллончики там, я не знаю, помповое оружие. Ну, в случае пресечения, допустим» (м., 27 лет, срок 4 года 10 месяцев, русский).*

Неформальный прием заключенного — это альтернативная режимному практика. От новичка ждут рассказа его истории, подкрепленной доказательствами по самым важным позициям: сотрудничает(ал) ли с администрацией, есть ли наличие в биографии гомосексуального опыта или статуса «опущенного / обиженного». По приезду в зону заключенные попадают в карантин на две недели, где проходят медицинский осмотр, слушают лекции о правилах распорядка. В этот период к ним «заходят» авторитетные сидельцы и начинают «свою работу»: *«Узнают, кто пришел... кто они по жизни, и если человек, который засухарился [пытался скрыть, что был обиженным — прим. авт.], когда ты в категории обиженных, а тут он вылезает как мужик, а даже иногда как блатной, потом это всплывает наружу, что обиженный — вплоть до убийства» (м., сотрудник колонии, 46 лет).*

Авторитеты, отвечающие за карантин, могут спокойно туда заходить и «решают вопрос» с администрацией — в какой барак поместить: в рабочий или блатной. С новичком проводится беседа — учеба, с полным объяснением правил и понятий конкретной колонии. Информанты говорили, как важно правильно «заявить себя», быть готовым слушать и разговаривать, «быть начеку», сохранять лицо и демонстрировать волю: *«Там биографию же все спрашивают друг у друга всегда. Чем жил, чем занимался, как жил там.... Да, все как бы на уровне диалога. Все, абсолютно все решается ... целый день сидишь и разговариваешь, разговариваешь» (м., 30 лет, срок 3,5 года, русский).*

«Порядочные арестанты»: тюремный капитал и конкуренция

«Порядочный арестант / зэк» — это центральная фигура тюремной иерархии. Его тюремный капитал и соответственно статус включают в себя: отказ от сотрудничества с администрацией («не подписывает»), отказ от работы, не должен подавать документов на УДО (отсидка от — и до), никакого намека на возможность гомосексуальной идентичности или опыта запретного общения с обиженными. Особо ценится неподчинение режимной власти вплоть до сидения в «крытом» помещении (в «буре», бараке усиленного режима*), знание «тюремных понятий» и способов их правильного толкования, умение разре-

* Содержание в ПКТ (помещение камерного типа) и ЕПКТ (единое помещение камерного типа). ПКТ — структурные подразделения конкретных ИТУ, внутренняя тюрьма колонии. Первое ЕПКТ создано в 1980 г. в Соликамске (Усольское УЛИТУ). Среди заключенных оно больше известно под названием Белый Лебедь. В официальных документах МВД на ЕПКТ возложена следующая задача: «Изоляция осужденных, активно оказывающих противодействие администрации ИТУ в обеспечении правопорядка».

шать конфликты, честность, сильная воля и эрудиция: *«Кто такой вор в законе? Вы с высшим образованием, к примеру, преподаватель, извиняюсь. Вы будете с ним разговаривать и чувствовать даже дискомфорт. Он будет настолько хорошо все объяснять, ни одного матершинного слова, столько будет интересного рассказывать, это вам будет интересно с ним общаться, не ему... десятилетиями скоплено»* (м., 30 лет, срок 3,5 года, русский).

Позиция порядочного крайне неустойчива, требует постоянного доказательства как неподчинения, так и способности договариваться с администрацией в соответствии с «воровским ходом». Информанты называли это постоянной «движухой» и жесткой конкуренцией за статусы: *«Человек 20-30 лет может быть авторитетным... и в один прекрасный момент сделать какой-то проступок, что весь его авторитет...ничего не вспомнится ... порядочный на администрацию не работает... Помогает всем ... Сексуальных услуг не оказывает, конечно... если он играет, он выделяет в общак ... нет там, что он там вор, блатной, все, к нему неприкасаемый»* (м., 32 года, срок 8 лет, русский).

Среди порядочных есть свои духовники (держатели воровских принципов), есть блатные, которые должны страдать за идею, и рабочий класс — «мужики»: *«... что блатные, что заводные, что красные, что черные... все-все держится на мужиках. Мужик — работяга, он все тянет, он все терпит, все идет от мужика в основном»* (м., 29 лет, срок 6 лет, русский).

Статус мужика связан как с прошлым тюремным опытом, так и с желанием осужденного сохранить невключенность в разборки, независимость от конкуренции и при этом не попасть в группу обиженных. Мужикам разрешено / положено работать, но это не считается сотрудничеством, что сохраняет статус порядочного. Работают мужики исключительно на общак — не для себя, а для «лагеря, для нуждающихся».

Мужики могут выполнять не самую грязную уборку, заниматься пошивом одежды, выращивать овощи и готовить соленья, варить брагу, подписывать открытки, могут за работу попросить благодарность (*«именно благодарность, а не то что мы продаем, как барыги... подписал открытку — получил пачку хороших сигарет»*). Именно мужики, в случае серьезных конфликтов — «боевой ресурс в черной зоне»: *«Ну, кишишь нужно поднять или что — мужики. Если недовольны, к примеру, администрацией — голодовка или что-то, все поддержат. А если не будет мужиков... Кто блатные будут? Ну хоть перевскрываются [вскроют себе вены — прим. авт.] они все, быстро... закроют»* (м., 32 года, срок 8 лет, русский).

На самых низших позициях оказываются бедные, инвалиды, потерявшие волю к сопротивлению, обиженные / опущенные. В этой диспозиции есть нюансы, пересечения, контекстуальность, однако существуют разделяемые всеми четкие предписания доминирующего и подчиненного статуса, где гендер вплетается в другие измерения позиций, меняя, а подчас и подчиняя себе классовые, этнические, религиозные, телесные и сексуальные основания идентичности: *«Есть отцы, т. е. вору и бродяги, это без пяти минут вор... Пониже уж люд людской, блатные, потом мужики, естественно. А потом уж всякие краснота и пидорасы уж»* (м., 25 лет, срок 3 года, татарин).

Неустойчивость статусов подталкивает заключенных к развитию в себе способности вести длинные разговоры, в ходе которых в не меньшей степени, чем

в демонстрации физической силы, производится «порядочная» мужественность. Умение правильно говорить и убеждать ценится особенно высоко, так же, как и способность демонстрировать волю и независимость. Эти качества, как показали интервью, также гендерно окрашены, становясь дополнительными доказательствами нормального, гетеросексуально активного субъекта: *«Упертость, справедливость, самостоятельность. ... Трудолюбие, не лебезить, не крыситься... [не сдавать администрации — прим. авт.] Прямо в лоб бахнул, как говорится, и спина чтобы у тебя чистая была, и жопа не замаранная»* (м., 27 лет, срок 6 лет, русский).

Красные и / ли черные?

Все колонии делятся на красные — где практически отсутствует внутренняя власть заключенных и установлен жесткий режим администрации, и черные — где власть либо поделена между администрацией и заключенными, либо главенствуют правила, установленные авторитетами и «ворами в законе». По мнению сотрудника колонии, это деление подвижно и изменчиво, но является общей рамкой коммуникации как власти и заключенных, так и заключенных между собой: *«В черных колониях ... есть понятие “воровской ход”... свои требования выдвигают, они как бы анархисты ... получается государство в государстве. ... администрация не диктует свои условия, а просто договаривается о каких-то позициях. ... пытаются бытовые условия, там — телевизоры, всякие видики-мидики себе затянуть. Чтоб телефон у них был, чтоб их не трогали ... Администрация особо-то не может противостоять, иначе бунт, всякие массовые вскрытия [вен — прим. авт.] забастовки, голодовки... администрации не выгодно, чтобы на Москву это все вылезало»* (м., сотрудник колонии, 46 лет).

В черной зоне сотрудничество с администрацией строится на основе сложных и не всегда «чистых» договоренностей, обмен информацией обязательно регулируется и управляется блатными и авторитетами.

Статусы авторитетов сохраняются и в красных колониях, но для «рядовых» арестантов, например, «мужиков», попадание в красную зону практически предопределяет неизбежность сотрудничества с администрацией, что закрепляется системой подписываемых соглашений. Вокруг красных — «кумовских» — выстраивается система ритуалов и правил, с ними необходимо соблюдать физическую и символическую дистанцию, чтобы поддержать свою «порядочную» тюремную историю, их статус также гендерно окрашен как телесно неприкасаемых: *«Красные... на кума работает, на оперативника ... Ну суки они, кумовские при нем лишнего не скажут, ничего не сделают — сдаст ... старайся общаться на виду, чтобы с улыбкой, это надо делать на людях»* (м., 29 лет, срок 6 лет, русский).

С бригадирами или смотрящими, работающими на администрацию, приходится налаживать отношения, если нужно устроиться на работу (мужикам) или договориться, чтобы не работать, как это положено по «воровскому ходу» авторитетам или блатным. Эти договоренности стоят денег или тюремной валюты, которой являются сигареты, чай, кофе, спиртное. Красные живут отдельно, это не только привилегия, но и поддержание их безопасности. Обязательным для всех, кто работает на администрацию, является ношение повязки или нашивки. Среди красных есть бригадиры, которые «выводят на промзону»,

следят за порядком в бараках, есть ключники, которые открывают локалки и стоят на «будках»: *«Они с повязками ходят, или... какую-нибудь нашивку ... в каждом отряде... в нем есть, да, завхоз свой. Вот это, опять же, красный. Завхоз следит, чтобы всякие бирочки вешать на кровати»* (м., 32 года, срок 8 лет, русский).

Статус зоны может меняться с черной на красную и наоборот. Это зависит от общей ситуации во ФСИН, от новых правил и инструкций, общего состояния судебной и тюремной систем. Информант рассказывал, что преобразования в колонии начинаются с мелочей: запрет на свою одежду и на «тюремный DIY» — фенечки, которые изготавливаются самими заключенными, затем постепенно внедряются жесткие меры: *«Порядочных таких блатных, которые реально какие-то вопросы решают, их увозят в другие лагеря ... специально. И больше привозят всяких козлов. ... красных. ... чтобы красноты больше было»* (м., 27 лет, срок 4 года 10 месяцев, русский).

Зона, по мнению информантов, не будет считаться красной, пока в ней остаются «порядочные и мужики», которые отказываются «стоять на должностях», делать зарядки, состоять в секциях. Поддержание режима неповиновения жестко пресекается. Интерпретации информантов того, что значит подчиниться красным, были отчетливо гомосексуализированы и приравнивались к согласию на публичное унижение: *«Я не пришиваю треугольник, меня наказывают, в изолятор там, в бур. Я выхожу — «Ты будешь?», — «Я не буду», опять, короче, уехал туда.... Когда начальник сменился колонии, стало много козлов, много таких перестановок было.... «Нашей треугольник». Выполнение, считай, порядка какого-то ... ты уже... идешь на поводу... Тебе скажут, как говорится, попу поцелуй. Что, попу будешь целовать? ... При мне было, что и резали красных»* (м., 33 года, срок 7 лет, русский).

Верность «жизни по понятиям» остается ключевым принципом тюремной иерархии. Это клише используется в отношении тюремных порядков, как на уровне обыденного знания, так и в популярной, отчасти и академической литературе. В ходе проведения интервью было видно, что информантам сложно объяснить, а нам практически невозможно понять, каковы постулаты этого внутреннего кодекса. Контекстуальность этого знания, его вплетенность в личные и коллективные опыты телесного проживания правильного и неправильного проявились в непереводимости «понятий». В них дискурсивно закреплён некий тип равенства каждого перед воровским законом, когда значимы индивидуальные качества одинокого человека, вынужденно вовлеченного в коммуникации с другими в атмосфере общей зависимости, подавления и изоляции, ценность которого определяется и доказывается здесь и сейчас. При этом, как и любые правила, эти сильны своими исключениями, знание которых становится частью контекста и условием включенности.

«Они “обиженные” себя называют...»

В популярной и авторской (тюремной) литературе много описаний, часто мифических, того, кто такие опущенные / обиженные и как ими становятся. Этот статус максимально ритуализирован, вокруг этой группы строится большая часть «кодекса тюремных норм». «Обиженный» конструируется через

телесную грязь (неприкасаемость), физическую и духовную слабость, как не мужское и не порядочное.

Обиженные живут в отдельном бараке или закутке / отсеке, в месте, которое маркируется как запретное для «нормальных» заключенных. К ним нельзя прикасаться (исключение — половой контакт, который, если это не насилие, осуществляется в специальных местах). Из их рук нельзя ничего брать открыто, только в запечатанном виде. Простое повседневное общение с ними регламентируется и контролируется. Не должно возникать намеков на чувственно эмоциональное, эротизированное или сексуализированное общение: нельзя целоваться, проявлять нежность и заботу. Сексуальные контакты с «пидорами», «рабочими петухами» — теми, кого использовали исключительно для секса — описывались информантами в утрированно грубых и объективирующих выражениях. Отношения с «полупидорами» — теми, кто не оказывает сексуальных услуг, хотя и менее жесткие, однако достаточно унижающие и подчеркнута безличностные. Все запреты вокруг обиженных фокусируются на их телах, которые становятся центральными в определении статуса неприкасаемых в прямом смысле слова. Все, что на / в их телах, что физиологически и символически связано с их телами, определяет базовый принцип, через отрицание которого выстраивается нормальное, настоящее мужское тело.

Нормализация мужского тела может проявляться через практики ухода за собой, когда даже отдаленный намек на гомосексуальность принимает крайне утрированные формы, что особенно проявляется в правилах гендерного режима в «малолетке»: *«Заходишь в баню, сначала должен помыть верх, потом только низ... коснулся ты низа, верх не можешь помыть, все, ты свободен. Твое тело — есть приличная и неприличная часть. ... одним и тем же мылом ты не можешь помыть сразу верх и низ. ... Друг за другом все следят. Если забылся и в душе раз помыл не то место — тебе все. Ты что, опускать сам себя хочешь, че ты творишь? тут не только побить, могут и опустить»* (м., 29 лет, срок 6 лет, русский).

Обиженные — единственный статус, который не может быть изменен или оспорен, и при этом — он также иерархичен: *«Петухи — это мы их все просто называем, они обижаются... Они “обиженные” себя называют. Есть кто ухаживает за обиженными, но он не петух. Просто ушел и живет с ними, без этого... Есть рабочие петухи, которые непосредственно интимные услуги оказывают... Есть просто каста, которая выполняет самую грязную работу — чистят туалет, унитазы, т. е. там говно... Ими, такими работягами, завхозы руководят, красные. ... они отдельно все живут или ... просто самая крайняя кровать. Как заходишь, он сразу тут лежит. Можно разговаривать ... можно дать сигарету, только у них брать ничего нельзя... здороваться нельзя за руку с ними ... если, к примеру, человек не знает, что он обиженный и тянет к нему руку, он должен сразу сказать, что он обиженный. Если не скажет — сразу получит... У них в столовой отдельная посуда своя ... Все отдельно. ... да даже козлы, красные которые, они с ними никогда не будут... потому что и с красноты может туда улететь. ... Это же не пионерский лагерь, это все очень строго»* (м., 32 года, срок 8 лет, русский).

Интересно, что чаще, чем «опущенный» (распространенный в публичном дискурсе термин), информанты использовали понятие «обиженный», что можно объяснить пониманием важности этой роли для сохранения стабильности

иерархии и значимости образа «другого», однозначно не мужского, для производства и нормализации «порядочной» маскулинности. Пути попадания в эту группу могут быть добровольными, вынужденными или насильственными.

Статус обиженных в мужских колониях связан далеко не только с сексуальным использованием и насилием, но с разными способами реального (физического), психологического и символического унижения: «*“Рабочие петухи” — это как гомосексуалист, а “нерабочие петухи” — они уборщики, всю грязную работу выполняют. ... убрать там, канализацию чистить. Попадают по-разному... если за руку, например, поздоровался, или чай с кем-то попил, или от обиженного какого-то сигарету взял из рук. Покурил. ... Ну или люди уже по статусу, вот ты будешь уборщиком, он соглашается с этим, убирается и постепенно переходит в категорию такого*» (м., служба охраны, 43 года).

Встретилась история осознанной добровольности мусульманина, который сам принимает решение стать обиженным. Этот арестант взял сигарету у обиженного исключительно для того, чтобы от него отстали, чтобы получить статус зэка, с которым никто не общается, и обрести право выключиться из обязательного публичного доказательства статуса в контексте разделяемого кодекса («жизни по понятиям»): «*Человек знает, что он сейчас улетит, ну, в это самое место ... он целенаправленно берет сигарету, курит ее. ... Ему говорят: ты что? А он говорит, «я же обиженный, типа»...он хотел то ли уединиться, то ли хотел, чтобы от него отстали... потом что с ним было, я даже не интересовался ... молится он — молится, пусть, это его уже дело*» (м., 26 лет, срок 4 года, татарин).

Добровольно-вынужденный статус связан с отсутствием самых необходимых ресурсов для выживания в колонии — бедность (не греется, нет передач и свиданий), отсутствие социального капитала (не включен во внутритюремные сети, нет покровителей, земляков), физическая и психологическая слабость (не способен противостоять давлению, не владеет знанием понятий, не может жить жизнью тюрьмы). В ряде случаев это единственный способ продержаться и выжить: «*Некоторым не хватает еды, они сами себя потихоньку-потихоньку опускают-опускают, не замечая этого... было и из-за голода. Некоторым курить нету, у кого-то никто не езжает... никакого снабжения нет, кто-то себя поставил неправильно изначально, его сразу там приземлили, он уже сопротивляться не смог, духом упал, сломался... сам себя унизил и все. А там уже ему: “Чо, айда за пачку чая я тебя сначала тихонечко первый раз и нормально, ты будешь с чаем, куревом, я тебе новую спецовочку, да, сапожки новые”. Все, раз соглашался, а потом уже его, как говорится*» (м., 29 лет, срок 6 лет, русский).

Добровольно-отчаянный путь связан с крайней степенью подавленности, неспособностью сопротивляться. Моральное и психологическое самоуничтожение чаще всего связано с фактом изнасилования или публичного сексуализированного унижения. Добровольные опущенные даже внешне отличаются от других, «нормальных и порядочных арестантов»: «*Он сам просто не ходил в баню, до такой степени был убит, спал в курилке, ему давали кровать, чистую простынь, полотенце, мыло, шампунь, мочалку, полный комплект белья. Тащили его в баню, в прожарку, там вшей выводили... он оттуда выходил... все одевал, выходил на работу и опять в этой же курилке спал*» (м., 25 лет, срок 3 года, татарин).

Вынужденное попадание в обиженные связывалось информантами с ситуациями, в которых заключенный повел себя «не по понятиям». Разговоры, выяснения отношений, разборки, «суды», посиделки за чаем и чефирем — ключевая форма занятости в мужских колониях, как и игра в карты. За разговорами решаются вопросы, связанные с конфликтами, с определением и распределением статусов, регламентом работ. Проигрыш в карты и невозвращение долга — самый жестко наказуемый проступок. Чтобы не проиграть, недостаточно иметь большой опыт, важно знать соответствующие ритуалы и риторику. Неправильное, не по понятиям, поведение при проигрыше — один из путей попадания в обиженные: *«За просто так не играют. Просто так — это тебя могут потом поставить раком и поиметь. ... Просто так — это имеется ввиду... задняя часть тела.... .. есть такая игра — “Человек”. Там идет оговорка, что ну вот расчет такого-то числа до 12 ночи... если человек не рассчитался, таких людей тоже опускали. Чтобы их не опустили, они сразу убежали в красные, бежали к локалке, к ключнику, “открывай, выпускай”, говорили, что хотят работать на администрацию»* (м., 32 года, срок 8 лет, русский).

Крайне жесткие требования к соблюдению тюремных понятий в «малолетках», гендерный режим которых описывался информантами как полный беспредел. Статусы пидора или полупидора, полученные там, — следовали за осужденными на протяжении всего заключения: *«Все, масть на всю жизнь, он никогда не отмоется. И у полупидора тоже нет шансов... Его очень трудно вытаскивать из этого болота, есть такое поверье, когда он живет и кушает с одной тарелки и ложки с пидорасами, это уже все, он замаран»* (м., 25 лет, срок 3 года, татарин).

Понятие «беспредел» связано с практиками «опускания». Эти ритуализированные действия в атмосфере агрессивно поддерживаемой гомофобии и обязательной демонстрации гетеросексуальной активности подростками становятся ключевыми практиками поддержки внутренней иерархии и наведения порядка. Малолетку, которого опустили, клеймили специальными татуировками: *«Вот кружок и точка в центре — уже масть... Если он уже мастевый — это уже все... опущенный... один такой был, у него на всю спину был член с яйцами наколот, на малолетке его опустили и накололи ... эту наколку травили марганцовкой... А что выводить, если про него в тюрьме уже все знали, что опустили его»* (м., 29 лет, срок 6 лет, русский).

Единственная статья, которая могла влиять на определение статуса заключенного — это «педофилия», отчасти и «изнасилование». Эти осужденные подвергались самым жестким наказаниям, заключенные сразу попадали «туда, в петушатник»: *«Администрация уже в изоляторе следственном старается отделить... загоняют туда, могут и тоже изнасиловать их, в грубой форме даже... какого-то привезли... его закрыли отдельно, вот в бур, потом увезли его с зоны. ... Его даже козлы могли ну... зарезать, просто убить»* (м., 32 года, срок 8 лет, русский).

Если изнасилование совершено в отношении совершеннолетней женщины, то сначала проводится внутреннее расследование, насколько это было оправданно, кто реально виноват, справедливо ли вынесено решение суда. Информант, отбывавший срок за изнасилование, рассказал, как его

учили правильно говорить, чтобы избежать участи «полупидора», как понимать тюремные иерархии: *«Могут забить, могут, пускай тебя не изнасилуют, могут ставить тебя шнырем, ты будешь стирать носки, мыть полы, стирать трусы, кухаркой будешь, короче полуженщиной ... есть пидор — то есть он уже самый низкий, и есть полупидор, он своих каких-то отношений не имеет с женщиной, но выполняет роль женщины ... в курятнике... Кто-то там продолжает этим заниматься, кому-то это даже нравится. ... Даже песни пели. Берет в рот и песни через нос поет ... Я и сам так делал»* (м., 33 года, 7 лет, русский).

Гендерные режимы мужских колоний

Гендерные режимы мужских и женских колоний имеют как общие, так и принципиально отличные характеристики. Общими остаются жесткие требования к публичному самоотнесению, «заявлению» себя риторически и визуально, а также практики внутреннего дознания и проверки значимых моментов биографии. Особое место в подобных дознаниях занимают вопросы гендера и сексуальности. В женских нарративах сюжеты, связанные с реальной или мнимой гомосексуальностью, оставались в пространстве недоговоренностей, окончательного понимания не требовалось. Гомосексуальные отношения официально запрещены и, в случае доноса, могли стать основанием для запрета на УДО. При этом все знали о таких отношениях. Ключевые сюжеты разворачивались вокруг искренности и верности отношений, вынужденного или добровольного характера связи. В мужских нарративах истории собственных отношений или истории о других всегда сопровождалась обязательными ссылками на насилие, полностью исключая возможность гомосексуальной идентификации рассказчика. Гомосексуальная связь описывалась исключительно с позиции активного, незаинтересованного и не испытывающего чувств агрессивного субъекта, который идет на это ради «спортивного интереса» и / или для наказания «обиженного пидора», пассивного и не имеющего права сопротивляться или отказывать.

Встретилась лишь одна история, оставляющая пространство для понимания близких отношений с обиженными, когда информант крайне аккуратно и с оговорками рассказал о своем сексуальном опыте: *«Я сам столько лет без женщины был ... просто жизненный интерес, там все же мужжики... “Вот, что ты, вон же Машка ходит”. ... Там были и Гальки, и Надьки, и Вальки. ... Сами заключенные, которые выше статусом, имена дают, и я также мог какого-нибудь пидораса назвать: “Ты будешь у меня Галькой”»*

Информант дополнительно объясняет, что он прибегал к сексуальным услугам «ради спортивного интереса» и только пока у него не было свиданий с женой (с которой он познакомился по переписке, находясь уже в колонии). Начать контакт было очень просто: *«Иди сюда... Один за пирожки, другой за чай... третий за сигареты... им разницы нету, им, что дашь... У меня чай с сигаретами тогда был, по-моему».*

Дальше он незаметно переходит к рассказу о почти романтической истории отношений, в которой можно распознать намеки на эмоционально-чувственный контекст гомосексуальной близости: *«Есть уже старые, как говорится,*

прожженные пидорасы, не первый год которые, по третьей, по четвертой ходке сидят. Им на свободе жить негде, он подошел, витрину разбил, его обратно... Кормежка есть, спать где есть, сигаретами его снабжают, что ему, первый раз, что ли? Были и молодые... один раз девятнадцатилетний пацан — копия девчонка, как-то мы с ним просто присели разговаривать, не запрещено просто посидеть, поболтать. Главное — ничего не брать у него... я просто спросил: что ты? А он: если честно, во мне больше женских гормонов. Мне говорит, охота, он уже был геем... начал еще на свободе. Были такие, которые сами предпочитали ... Один у нас был такой, он полностью носил с собой порно карты ... Снимки голых женщин. Он просто раком вставал, на спину ложил портянку с голыми бабами ... а этот сам, меня, говорит, свербит, у меня сейчас вот потребность такая огромная, особенно вот весной... Мне, говорит, главное, чтобы было не грубо. ... Валентин, Валя. Женское лицо, натуральное женское, плюс походка. Гулял от бедра.... Аккуратная попочка, аккуратные красивые ноги. Стан красивый... если со спины на него помотришь и длинные волосы ему сделаешь, не скажешь, что это мужчина. Копия женщина» (м., 29 лет, срок 6 лет, русский).

Выстраивание иерархий сохраняется и в отношении инвалидов, которые содержатся в отдельном бараке. Внутри этой группы, по словам информанта, который сам получил инвалидность в колонии, существуют свои опущенные, но к ним относятся мягче, с определенной жалостью: *«Да, были опущенные в нашем бараке, такую же роль играли, стирали они. ... Но там, понимаете, в инвалидном бараке так немного, как говорится, хоть он и пидор, но он такой же инвалид, он такой же человек»* (м., 33 года, срок 7 лет, русский).

Обиженные на зоне, по мнению информантов, очень нужны, поскольку они берут на себя самую важную работу — не только оказание сексуальных услуг, но и поддержание чистоты и порядка: *«Они обиженные, но они какие-то более такие вещи делают, которые необходимы... чистят туалеты, больше пользы приносят для нормальных людей и порядочных, чем красные. ... они могут какой-то этот ширпотреб делать, какую-то открыточку подписать или блокнотик сделать, такие вещи, которые ты не будешь в рот засовывать»* (м., 32 года, срок 8 лет, русский).

В нашей коллекции не было историй самих обиженных, что в принципе понятно, учитывая их столь стигматизированный статус. Люди с такой тюремной историей стараются, насколько возможно, скрыть подобные факты, после освобождения они переезжают, меняют фамилии, стараются выйти из всех сетей и коммуникаций. Если человек с такой историей повторно попадает в места заключения, то у него нет никаких шансов скрыть свое прошлое.

В мужских колониях, как и в женских, образуются семьи. Существенные различия в интерпретации смысла связаны с составом мужских семей и распределением ролей. Истории семейничанья крайне инструментальны, в них отсутствует эмоциональность и чувственность, в такой семье, как правило — трое или четверо: *«Я семейничал с пацанами, в основном по трое, я и еще двое... одиночке тяжело... не посоветоваться, не поговорить, передачи же приходят, все равно, и покушать охота же вкусенького, как говорится, допустим, этот месяц тебе передача пришла, следующий месяц мне передача пришла, третий ему пришла. Так легче»* (26 лет, срок 4 года, татарин).

Роли в семье, особенно в малолетке, жестко распределяются. Младший — пиздюк, *«пиздюк своего слова не имел. В семье, получается, нас было четыре. Трое были важнее, чем я...»* (м., 27 лет, срок 6 лет, русский).

В отличие от семей в женских колониях, мужские семьи сходятся и расходятся без особых проблем. Главное — уметь объяснить, почему ты уходишь, чтобы не было продолжения истории. Старшие по статусу в семье определяют и роли, и места в «проходе»: *«Паханы решают, где и кто будет лежать, какое место кто займет»*, они могли бронировать заранее кровать для поступившего в отряд земляка: *«предварительно я ее готовлю, заранее, знаю, что сейчас человек освобождается или переходит в другой отряд или его забирает другая семья, я уже знаю, где какая кровать освобождается, и уже с паханами тихонечко обговариваю эту тему, говорю: “Я пиздюка сейчас приведу, сюда ляжет”. ... у каждой семьи свой проход: кровать — кровать двухъярусная, тумбочка.... И вот это наше семейство»* (м., 29 лет, срок 6 лет, русский).

Выводы и дискуссия

Жизнь по понятиям — это коллективно-телесное и риторическое производство маскулинизированных договоренностей. В ней нет четких и конкретных правил, важно включиться в тему, что дается опытом совместного про / переживания тюремной повседневности. Тюремные «тренинги», которые проводятся как персоналом, так и опытными заключенными, знакомят новичков с иерархиями, не включиться в которые практически невозможно. Фундаментом внутритюремной структуры подчиненности и власти становится правильное прочтение «мужского» как через тюремный капитал «порядочного арестанта», так и демонстрацию агрессивного использования и унижения «касты обиженных». Антиподы «порядочного» — «красные» (козлы, суки кумовские) нарушают «воровской ход» неповиновения режиму. В нарративном оформлении статус красных конструируется через предательство «мужского», как не признающего над собой власти режимного авторитета. Тюремные понятия устанавливают свою систему равенства, которая способна нивелировать или нейтрализовать большинство различий, кроме гендерных, где в роли исключенных и не мужчин оказываются не только красные и опущенные / обиженные, но и бедные, слабые, молодые, инвалиды. Женскому, которое расшифровывается через подчинение, унижение и использование, отводится особое место в жестком мире мужской тюрьмы. Обиженные физически и символически присутствуют в качестве объектов, оказывающих сексуальные услуги, заботу и уход, оставаясь телесно неприкасаемыми. В контексте жестко патриархатного гендерного режима мужской колонии пидоры — это проститутки, полупидоры — прислуга и уборщицы, пухнари — дети и подростки, а мужики — рабочий класс и армия, мобилизуемая на защиту власти авторитетов и воров в законе. Сравнение гендерного измерения в мужских и женских колониях требует более плотного анализа. С одной стороны, с точки зрения режима, в колонии нет пола. С другой, наши исследования показывают, что как в женской колонии появляются «мужчины» — «пацаны», так и в мужской — «женщины» (полуженщины, девушки, пидоры). Для поддержания власти в ситуации лишения и унижения максимально используются и эксплуатируются единственно

доступные ресурсы «естественного, натурального, правильного мира»: незыблемость противопоставления мужского женскому и конституирование правильного гендера через оппозицию и подавление неправильного, в данном случае — слабого, мягкого, неспособного риторически и физически сопротивляться. Границы между иерархизированными статусами оказываются проницаемыми и зыбкими. Те, кто наделен властью и обладает тюремным капиталом, достигнутым не только внутритюремным авторитетом, но и социальным капиталом за тюремными стенами, может себе позволить нарушать законы «воровского хода» и по-своему толковать и даже переопределять «жизнь по понятиям». Не случайно, что самым жестким, по словам информантов, оказывается гендерный режим в малолетке, здесь статус слабого (физически и духовно) тела подростка, не способного к постоянной агрессивной демонстрации активной гетеросексуальности, оказывается вдвойне маргинализированным. То, что гомосоциальная среда, особенно в случае мужских колоний, отличается крайне жестким характером производства гендерной нормативности, зеркально повторяющей в утрированном виде господствующие приметы режима в широком обществе, достаточно подробно исследовано и описано в академической литературе. Однако в контексте государства с таким трагическим и жестоким гулаговским прошлым, с его практиками формирования изолированных исправительных систем, поддержкой неформальной тюремной власти и построением параллельно режимному институту стукачества, поощряющего атмосферу подозрительности и постоянной борьбы за скудные ресурсы, это, казалось бы, общее знание дополняется значимыми деталями, на которых я пыталась сделать особые акценты. В атмосфере постоянной «движухи» и конкуренции за статусы нет места солидаризациям, разделенность «жизни по понятиям» и равенство оказываются призрачными. Гендер не только вплетается, но и переопределяет другие измерения идентичности, когда не только гомосексуальные мужчины, но и слабые, неимущие, телесно и риторически не соответствующие, вынужденно помещаются в общий барак унижения и насилия. Прорывающаяся и подавляемая жалость и интерес к гомосексуальности, признание нужности обиженных для сохранения режима, порядка и чистоты приходят в противоречие с фундаментальной неприкосновенностью конструкта порядочных арестантов, властью которых используется не только телесный труд пидоров и полупидоров, но и мужиков, мобилизуемых на решение политических вопросов. Чувствительность, эмоциональность, приватность мужского тела вызывают подозрение, становясь объектом пристального контроля и дисциплинирования, что помогает достроить «правильный» мир мужского братства «по понятиям».

Литература

- Александров Ю.К. *Очерки криминальной субкультуры*. М.: Права человека, 2001.
- Дубягина О.П. *Криминологическая характеристика норм, обычаев и средств коммуникации криминальной среды*. Дисс. ... канд. юрид. наук. М.: 2008.
- Ефимова Е.С. *Субкультура тюрьмы и криминальных кланов* [<http://www.ruthenia.ru/folklore/efimova5.htm>]. Дата доступа 28.01.2016.
- Кон И.С. *Гомосоциальность и гомосексуальность. О природе мужского общения*, Сексология. Персональный сайт И.С. Кона. [http://sexology.narod.ru/publ021_3.html]. Дата доступа 23.01.2016.

Лысак И.В., Черкасова Ю.Ю. *Тюремная субкультура в России*. Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 2006.

Олейник А.Н. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти*. М.: ИНФРА-М, 2001.

Омельченко Е. (ред.) *До и после тюрьмы. Женские истории*. СПб.: Алетейя, 2012.

Омельченко Е., Пэллот Дж. (ред.) *Около тюрьмы: женские сети поддержки заключенных*. СПб.: Алетейя, 2015.

Омельченко Е. Скинхед-идентичность в локальном контексте: гомосоциальность, интимность и тело бойца, *Этнографическое обозрение*, 2014, 1: 61–76.

Осужденные и содержащиеся под стражей в России, под. общ. ред. Ю.Ф. Калинина, В.И. Селиверстова. М.: Юриспруденция, 2012.

Узлов Н.Д., Арасланов С.Ш. Жизнестойкость и психологическое благополучие заключенных в соответствии с их тюремной иерархией, *Психология и право*, 2012, 2. [<http://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n2/52066.shtml>].

Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*, пер. с франц. В. Наумова, под ред. И. Борисовой. М.: Ad marginem, 1999.

Bosworth M. *Engendering Resistance: Agency and Power in Women's Prisons*. Aldershot: Dartmouth Publishing Company Limited, 1999.

Bosworth M., Carrabine E. Reassessing Resistance, *Punishment & Society*, 2001, 3(4): 501–515.

Crewe B. Prisoner Society in the Era of Hard Drugs, *Punishment & Society*, 2005, 7(4): 457–481.

Ireland J. “Bullying” among prisoners: a review of research, *Aggression and Violent Behavior*, 2000, 5(2): 201–215.

Kerbs J., Jolley J.M. Inmate-on-Inmate Victimization among Older Male Prisoners, *Crime & Delinquency*, 2007, 53: 187–218.

Kimmel M. *Manhood in America*. New York: Free Press, 1996.

Pallot J. Russia's penal peripheries: space, place and penalty in Soviet and post Soviet Russia, *Transactions of the Institute of British Geographers*, 2005, 30(1): 98–112.

Pilkington H., Omelchenko E.L., Garifzianova A. *Russia's Skinheads: exploring and rethinking subcultural lives*. L., NY: Routledge, 2010.

Phillips C. Ethnicity, identity and community cohesion in prison, in: M. Wetherell, M. Laflèche, R. Berkeley (eds.), *Identity, ethnic diversity and community cohesion*. London: Sage, 2007: 75–86.

Sykes G.M. *The Society of Captives: A Study of a Maximum Security Prison*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1958.

Sykes G.M., Messinger S.L. The Inmate Social System, in: G.H. Grosser, R. McCleery, L.E. Ohlin, G.M. Sykes, S.L. Messinger (eds.), *Theoretical Studies in the Social Organization of the Prison*. New York, NY: Social Science Research Council, 1960.

Tiger L. *Men in Groups*. N.Y.: Random House, 1969.

Wacquant L. Deadly Symbiosis: When Ghetto and Prison Meet and Mesh, in: D. Garland (ed.), *Mass Imprisonment: Social Causes and Consequences*. London: Sage Publications, 2001.